

УДК 316.7

Кумыков Ауес Мухамедович

доктор философских наук, профессор кафедры философии Кабардино-Балкарского государственного университета
editor@hist-edu.ru

Kumykov Aues Mukhamedovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Kabardino-Balkarian State University
editor@hist-edu.ru

КОНФИГУРАЦИЯ ПРОЯВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ХАРАКТЕРИСТИКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

CONFIGURATION OF SOCIAL MEMORY MANIFESTATIONS IN THE CHARACTERISTICS OF THE NATIONAL HISTORICAL PROCESS

В статье отмечается, что социальная память выступает как сложный самоорганизующийся процесс отбора, сохранения и воспроизводства в социальных системах информации о прошлом опыте деятельности и человеческих отношений. Конфигурация проявления социальной памяти в характеристиках отечественного исторического процесса в виде ее циклически-волновой природы свидетельствует, что периодически утраченное содержание памяти может возвращаться в историю в переработанном виде, откликаясь на запросы эпохи.

The article notes that social memory acts as a complex self-organizing process of selection, preservation and reproduction of information on the past experience of activities and human relations in social systems. The cyclic wave nature of configuration of social memory manifestation in the characteristics of the Russian historical process is the evidence of the fact that occasionally lost memory contents can be reverted to the history in the revised form responding to the demands of the epoch.

Ключевые слова: социально-философская рефлексия, конфигурация проявления, социальная память, исторический процесс, циклы истории.

Key words: social and philosophical reflection, manifestation configuration, social memory, historical process, cycles of history.

Социальная память – одна из форм бытия общества и личности, когда обращенность человеческого разума в будущее обуславливает постоянную актуализацию тех или иных пластов индивидуальной и коллективной памяти. Вопрошание памяти является онтологической потребностью, удовлетворение которой дает возможность обществу и человеку выбирать способы и пути решения современных задач.

Вся мировая история свидетельствует, что интерес к опыту прошлого обостряется в эпохи социальных потрясений и катаклизмов, когда человек и общество пытается найти логику и смысл в череде событий и перемен. Социокультурные и политические проблемы современной российской действительности придают этому особую остроту: политическое и юридическое сведение счетов с прошлым; критика официальных версий истории и возвращение на поверхность вытесненных воспоминаний; смена идеологии забвения идеологией памятования и национально-культурного наследования и преемственности культур; активное развитие мемориальных практик и генеалогических изысканий; повышенное внимание к сбору архивов и открытию «памятных мест» – все это является свидетельством того, что перед обществом стоит осязаемая потребность в формировании системы представлений и идей, репрезентирующих «коллективную память» народа [1].

Социологи Е. Рождественская и В. Семенова исходят из того, что моменты активации и кристаллизации коллективной памяти имеют временно-ограниченный характер, затухая и разгораясь в определенных точках, значимых с позиции мемориального сообщества. Некоторые «точки» имеют непосредственное отношение к событию прошлого, другие приобретают символическую значимость, вплетаясь в последующие события, в историю «после», конструируя, таким образом, некоторый континуум на протяженности «прошлое – настоящее». При этом многое зависит от форм коллективного межличностного взаимодействия на этом временном отрезке [2].

Конфигурация проявления социальной памяти в характеристиках отечественного исторического процесса обусловлена во многом тем, что она рассматривается как структура удержания прошлого в настоящем, направленная на конструирование культурного пространства и времени, смысл которой задается различием воспоминания и забвения. Образы прошлого конструируются и заново воссоздаются во взаимодействии людей, а сама память связана с дифференциацией прошлого и будущего.

Поскольку память выступает «хранителем прошлого» и вместилищем информации о минувшем, то сюжеты, в которых раскрывается память, зачастую связаны с ее утратой или же с ностальгией по прошлому, для многих утраченному. И.Ю. Соломина недаром постулирует, что социальная память включает в себя не только процессы вспоминания, но и забывания. Забывание при этом

имеет социальный характер. Под социальным забыванием (амнезией) мы понимаем расстройство памяти, при котором происходит забывание, т.е. утрата социальной памятью способности запоминания [3].

Отечественные историки, характеризуя историческую память и забвение, обращают внимание на то, что людям свойственно забывать одни события и преувеличивать значимость других, т.е. актуализировать их. Смысл событий зависит от того, как люди определяют их причины и следствия, ведь историческое сознание не знает точных рецептов определения взаимозависимости явлений. В той или иной степени суждения о прошлом окрашены в тона мировоззренческих или идеологических предпочтений: конфессиональной принадлежности, сочувствия тем или иным социальным доктринам и политическим теориям, приверженности определенным теориям развития общества.

Конфигурация проявления социальной памяти в характеристиках отечественного исторического процесса связана и с тем, что различные виды исторического опыта содержат некоторые постоянные, неизбежные моменты человеческой деятельности – чувственный опыт, включающий в себя непосредственные чувственно-визуальные впечатления, переживания субъекта, полученные им при созерцании социально-событийной конкретики; практический опыт, т.е. опыт конкретной, прямой деятельности по преобразованию элементов социального целого, выражающийся в формировании определенных навыков, реальных способностей к более или менее результативным акциям в указанных выше сферах социальной практики; опыт в виде накопленных знаний об устойчивых тенденциях общественного развития и социально-преобразующей деятельности.

Выявление характеристик циклов отечественного исторического процесса показывает, что найденный русским человеком способ выживания в сложных природно-климатических, географических и геополитических условиях получал отражение в «державной идеологии» – теоретическом обосновании необходимости могучего государства, обеспечивающего защиту от внешней угрозы, постоянное приращение эффективных территорий, а также централизованное распределение ограниченных средств существования в интересах выживания России как целого [4].

Циклически-волновая природа проявления социальной памяти во многом обусловлена ее культурными функциями, среди которых такие, как а) аккумуляция прямых (выраженных в императивных установлениях, ценностях, нормах) и опосредствованных (определенных в предпочитаемых и допустимых технологиях и продуктах социально значимой деятельности) способов поддержания и обеспечения социальной интегрированности людей в устойчивых организационно-деятельностных формах; аккумуляция локальных культурных черт и на уровне устойчивых социальных коллективов, и в личностной культурной специфике индивидов; трансляция культурных норм от поколения к поколению через процессы социализации и инкультурации.

В свою очередь, природа проявления социальной памяти в характеристиках отечественного исторического процесса может быть объяснена тем, что существуют разнообразные схемы и концепции российских циклов (А. Янов, А. Ахиезер, В. Пантин, В. Лапкин, Р. Вишневский, С.А. Нефедов, В. Пастухов, В. Цимбурский, Д. Драгунский, Э. Кульпин, А. Фурсов, Ю. Пивоваров, А. Зубов). Н.С. Розов обращает внимание на то, что социально-политические изменения в российской политической истории одновременно происходили в двух главных измерениях. Первое измерение («ось Х» в декартовой системе координат) – это «геополитический успех при социальной стабильности». Повышение значений этой переменной происходит при военных победах и присоединении территорий, расширении могущества и влияния державы, росте престижа на международной арене при внутренней стабильности, высокой легитимности власти и политического режима, широком принятии населением государственной или общенациональной религии или идеологии. Соответственно, снижение значений такого успеха происходит при военных поражениях и геополитических провалах, падении внешнего престижа державы и внутренней легитимности власти, росте социальных волнений вплоть до бунтов, мятежей и революций (смута), широкой дискредитации общенациональной религии или идеологии [5].

Характеризуя основные социальные процессы, определяющие алгоритм изменения социальной памяти в современном обществе, Д.А. Аникин выделяет информатизацию и глобализацию, поскольку именно они определяют распад традиционных социальных субъектов и возникновение усложненной картины социального пространства. В процессе глобализации, имеющей экономическую подоплеку, на смену государствам в качестве агентов социального пространства приходят транснациональные корпорации, лишенные жесткой привязки к определенной географической территории, национальным особенностям и культурным навыкам, что приводит к наложению контуров различных социальных групп в пространстве социальной памяти. Кризис национальных государств под давлением процессов информатизации и глобализации вызывает к жизни необходи-

мость пересмотра и того типа памяти, который концентрировался вокруг истории отдельного государства и вдохновлялся национальными ценностями. На смену национальной памяти постепенно приходит память единого мирового сообщества или тех социальных институтов, которые принимают на себя функцию репрезентации мирового сообщества в определенных сферах человеческой деятельности [6].

Другие авторы обращают внимание на то, что чувствуют люди в определенные периоды исторического развития. Так, историк и политический философ Д.Е. Фурман пишет, что в условиях загнивающих авторитарных режимов «людей охватывают тоска, отчаяние и отвращение. В яркой форме это – чувства «критически мыслящего меньшинства», но в той или иной степени и выражаясь в разных идеологических формах, они постепенно распространяются в очень широких слоях. Они прячутся за конформизмом и цинизмом и разъедают режим изнутри». Так было при позднем царском режиме. Так было при поздней советской власти. Схожие чувства стали формироваться при путинской «стабилизации». Этот цикл чувств – психологический компонент наших циклов политического развития, которые каждый раз вели к срыву открывавшихся возможностей постепенного перехода к демократии, превращению провозглашенной в не готовом к ней обществе демократии в анархию и возвращению авторитаризма. Это – цикл чувств, соответствующий неготовности общества к жизни в правовой демократической системе. Революции у нас оказывались механизмом возвращения к авторитаризму и задержки движения к демократии (если использовать термин наивной горбачевской эпохи, они были механизмами торможения). Полностью избавиться от цикличности наших общественных настроений нельзя, да и не нужно. Как за судорожной общественной активностью конца 1980-х – нач. 1990-х гг. естественно следовали мертвенные нулевые годы, так за путинской «стабильностью» должен следовать новый всплеск эмоций и активности [7].

Таким образом, социальная память выступает как сложный самоорганизующийся процесс отбора, сохранения и воспроизводства в социальных системах информации о прошлом опыте деятельности и человеческих отношений. Конфигурация проявления социальной памяти в характеристиках отечественного исторического процесса в виде ее циклически-волновой природы свидетельствует, что периодически утраченное содержание памяти может возвращаться в историю в переработанном виде, откликаясь на запросы эпохи.

Циклически-волновая природа проявления социальной памяти обусловлена тем, что периоды активизации коллективной памяти имеют непосредственное отношение к событиям исторического прошлого и приобретают символическую значимость, вплетаясь в последующие события. Образы прошлого конструируются и заново воссоздаются во взаимодействии людей, а сама память связана с дифференциацией прошлого и будущего.

Поскольку память выступает «хранителем прошлого» иместилищем информации о минувшем, то сюжеты, в которых раскрывается память, зачастую связаны с ее утратой или же с ностальгией по прошлому. В итоге социальная память включает в себя не только процессы вспоминания, но и забывания. Смысл событий зависит от того, как люди определяют их причины и следствия, ведь историческое сознание не знает точных рецептов определения взаимозависимости явлений. В той или иной степени суждения о прошлом окрашены в тона мировоззренческих или идеологических предпочтений: конфессиональной принадлежности, сочувствия тем или иным социальным доктринам и политическим теориям, приверженности определенным теориям развития общества.

Конфигурация проявления социальной памяти в характеристиках отечественного исторического процесса связана также с тем, что различные виды исторического опыта содержат некоторые постоянные, неизбежные моменты человеческой деятельности – чувственный опыт, включающий в себя непосредственные чувственно-визуальные впечатления, переживания субъекта, полученные им при созерцании социально-событийной конкретики; практический опыт, т.е. опыт конкретной, прямой деятельности по преобразованию элементов социального целого, выражающийся в формировании определенных навыков, реальных способностей к более или менее результативным акциям в указанных выше сферах социальной практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. См.: *Лебедева Г.В.* Память и забвение как феномены культуры: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Екатеринбург, 2006.
2. *Рождественская Е., Семенова В.* Социальная память как объект социологического изучения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011, № 6.
3. См.: *Соломина И.Ю.* Социальная память: структура и феномены: автореф. дис. ...канд. философ. наук. Самара, 2005.

4. *Новиков А.В.* Российская модель экономического развития и институт власти // Проблемы современной экономики. 2005. № 1-2.
5. *Розов Н.С.* Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис. 2006. № 2.
6. См.: *Аникин Д.А.* Пространство социальной памяти: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Саратов, 2008.
7. *Фурман Д.* Плохой сценарий // Независимая газета. 2010. 9 июня.